

Как явление, которое нельзя назвать, стало темой 2026 года

Студия молодежной журналистики «Проба пера»

21 ноября 2025 в 00:38

Текст: Андрей Гатаулин

В Екатеринбурге 2026 год объявлен годом уральского рок-клуба. Я свердловский рок слышал только у папы в машине, да и то мельком. Поэтому, чтобы разобраться, что это за феномен, в честь которого озаглавили целый год, я отправился в Музей Андеграунда. Почему туда? Да потому что здесь открылось новое выставочное пространство «Рок-андеграунд». Зал целиком посвящен рок-музыке позднего СССР. Как только нога сюда ступает, сразу погружаешься в студийный быт легендарных советских групп, видишь музыкальные артефакты тех времен и слышишь музыку, которую раньше украдкой играли на кухнях и в подвальных клубах, а распространяли только на магнитиздате.

Зал, посвященный рок-клубу в музее Андеграунда

Сюда я пришел, чтобы понять две вещи: почему вдруг (или не вдруг?) Свердловский клуб стал таким культовым и действительно ли рок умер тогда, в 90-х - нулевых, когда с него спали запреты. Или все же явление,

которое царило задолго до моего рождения и воспитало не одно поколение, живет.

Для начала углубимся в историю. Свердловский рок-клуб основан 1986 году. Но его история началась намного раньше, в далёком в 1961 году, когда ВИА «Физтехи» исполнил на танцах в УПИ песню Билла Хейли «Rock Around the Clock». Казалось бы, ничего необычного. Но в то время об исполнении рок-н-ролла и речи быть не могло, тем более иностранного. Поэтому его тут же запретили. Но музыкантов это не остановило. Они продолжили писать и исполнять песни, правда о выступлениях не могли даже думать.

Несмотря на все запреты, в 70-х годах на дискотеках исполнители начали петь каверы на популярные зарубежные рок-н-ролл треки. Рок начинает все больше распространяться, а музыканты собираются в профессиональные рок-коллективы. Появляются такие ребята, как «Урфин Джюс» и «Трек», которым предстоит внести значительный вклад не просто в уральскую рок-музыку, но и в музыкальную историю в целом.

Группа «Урфин Джюс»

С момента появления «Урфин Джюс» и «Трек» можно начинать отсчет летописи Свердловского рок-клуба. Но до серьезного объединения было еще долго, ведь у тогдашнего Свердловска были другие приоритеты: заводы, дым, тяжелое машиностроение, и рок-клуб с косматыми курящими молодыми музыкантами здесь никуда не вписывался. Запреты государства

тоже не давали музыкантам развиваться и набирать новых слушателей. Советская власть называла рок «музыкой духовных уродов» и считала его чуждым советскому обществу. Агрессивная, буржуазная, она не вписывалась в нормы.

Удивительно, на первый взгляд, вызывающие и громкие рокеры против чего-то протестовали, а рок-н-рольный ритм ну никак не совпадал с ритмами советских маршей. Но на самом деле музыканты были сами были продуктом своей эпохи. Выросшие в СССР, не все из них стремились, как когда-то завещал Маяковский, сбрасывать всё подряд с парохода современности. Так, гитарист «Урфин Джюс» Егор Белкин считал, что музыканты не имеют права критиковать руководство страны по любому поводу, а сам себя называл парнем от сохи. Кормильцев с ним, правда, был не согласен. В итоге все споры рокеров сводились к одному знаменателю: рок — это не бунт, а максимум критика каких-то отдельных недостатков системы.

Кормильцев и Белкин

Больше, чем критиковать систему, эти ребята хотели играть для народа то, что им нравится. Но вот идея вседозволенности в музыке сама по себе казалась в советское время подозрительной и крамольной.

80-е для кого-то стали началом свободы, но не для свердловских рокеров. В 1981 году ВЛКСМ решило дать шанс провести концерт семи коллективом — «Трек», «Урфин Джюс», «Р-клуб», «Отражение», «Апрельский марш»,

«Проще и понятно» и «НЭП». Коммунистическому союзу молодежи треки свердловчан не понравились настолько, что в итоге запреты на выступления и распространения треков усилили. И в 1983–1985 годах не было дано ни одного концерта, коллективы выживали на распространении кассет, записанных подпольным кустарным способом.

В это время уже повсюду выступали Ленинградские рокеры. Вдохновляясь коллегами из культурной столицы и чувствуя внутреннюю потребность в какой-то опоре, после переговоров Николай Грахов (в будущем создатель и владелец медиахолдинга «Радио Си») и Илья Кормильцев становятся учредителями Свердловского рок-клуба. Тут они решают собирать талантливые коллективы. Из 50 поданных заявок отобрали 10 групп. И вот 1986 год стал годом официального образования Свердловского рок-клуба, именно с этого времени начинается его история.

Здание Свердловского рок-клуба

Один из самых молодых участников рок-клуба Максим Ильин вспоминал: «В СССР первой половины 1980-х рок-среда была закрытым пространством, попасть туда мог далеко не каждый. Да и не каждый хотел».

Передо мной в зале рок-андеграунда стоит культовый журналист и продюсер Александр Кушнир — самый настоящий свидетель — это рок-летописи. Я интересуюсь, а что вообще для рокеров тогда было порогом вхождения в искусство? «Они не думали, что занимаются искусством. Они рефлексировали, просто выплескивали свою боль. «Меньше всего они думали про искусство», — объясняет Кушнир. — В целом цель была создать

песню, которая пробивала как минимум друзей, как максимум — стадионы».

Александр Кушник

Так про что же пели коллективы? Группа «Слепой музыкант» исполняла лёгкий бит и рок-н-ролл. В их репертуаре была трилогия, посвящённая событиям в Чили: «Знамя Чили», «Альенде Сальвадор», «О Викторе Харе». «Урфин Джюс» пели о проблемах свободного творчества. «Наутилус Помпилиус» исполняли песни, написанные Ильей Кормильцевым, среди них были антивоенный марш «Шар цвета хаки», гимн «Скованные одной цепью», боевик «Казанова» и другие. Группа «Апрельский марш» играла психоделический нью-вейв. На их альбоме были собраны галлюциногенные танцы, причудливые истории, каверы на Брайана Ино и хит «Котлован». Группа «Городок чекистов» пела о тусклых буднях, поездках на общественном транспорте и пустоте жизни. В своих песнях вокалист даже рассказывал об офисной работе.

Выступление группы «Nautilus Pampilius»

Многие тексты были на тему политики и безнадежности, которая окружала свердловские андеграунд группы. И при этом не было никаких студий, все записывалось на кассеты, в вечернее время под одеялом, чтобы соседи не услышали. А утром не выспавшиеся музыканты шли на обычную работу, и это был замкнутый круг. Как рассказывал Вячеслав Бутусов, «У моего друга появился двухкассетный магнитофон, и для нас всех это был фурор, ведь такой магнитофон стоил как новая “семерка”».

Кушнир подтверждает: самыми популярными темами оставались неразделённая любовь, конфронтация с государством, поиски себя. С одной стороны, ничего криминального. С другой, как будто глубокая саморефлексия и размышления о серости будней тоже могут выглядеть подозрительно.

Но воздух перемен уже был близок, и музыканты это понимали.

В 90-е годы рок приобретает совершенно иные формы. После распада СССР музыканты получают полную свободу и начинают очень быстро набирать популярность в массах. Я спрашиваю у Александра Кушнера, почему вдруг в 90-е случился такой всплеск. Про себя думаю, что это из-за того, что все барьеры спали. Кушнир качает головой: «Нет, всплеск в девяностых был так себе. Всплеск был где-то в середине 80-х — вот это действительно был всплеск, потом пошло на убыль».

Кадр из фильма «Брат»

Однако именно, тогда как пушечные ядра выстреливают «Агата Кристи», «Настя», «Смысловые галлюцинации». Мой любимый до дыр засмотренный «Брат» Балабанова собирает их всех на одной ленте, а потом и на второй, и песни идут в народ. И вот уже все с тоской и надеждой поют «Вечно молодой». Рок из подвалов вышел на большие и малые экраны. Владимир Шахрин вспоминал: «Мой знакомый два кабеля протянул в общежитие, сделал городское кабельное телевидение. Кто-то — раз, и театр создал, и уже в этот театр билеты продаются, и народ идет, мы тоже ездили, давали концерты, и это было уже легально».

В 00-х Свердловский рок уже умирал. Как будто после распада Союза и снятия запретов, протестные песни уже перестали иметь смысл. Андеграунд закончился в 90-х. А к середине нулевых и «Нау», и «Агата Кристи», и «Настя» превратились, скорее, в живые памятники ушедшей интересной эпохи, которую теперь оставалось только романтизировать. Умер Илья Кормильцев, братья Самойловы поссорились, Настя Полева ушла куда-то в тень. Получается, что, как ни крути, а протест был нужен и важен для того, чтобы стать великими? Прошло 30 с небольшим лет, и Сергей Бобунец уже легко поет на сцене Кремлевского дворца. Могли ли молодые свердловские ребята о таком вообще мечтать?

«Смысловые галлюцинации» в юности

Я обошел весь зал. Задумался. Спросил Кушнира, который все еще был здесь: «И все-таки чем отличался свердловский рок от рока других городов?». «Он был довольно самобытным. Если в Питере больше акцент делался на тексты, а в Москве — на музыку, то здесь был просто такой очаровательный хаос. Никто не парился, что первично, что вторично. Большое влияние сыграло то, что много лет Свердловск был закрытым городом, не было никакого интернета, и была такая сильная самобытность».

А что в конце? «Умер ли свердловский рок?», — спрашиваю я. Кушнир отмахивается: «Нет, ну знаете, это всё журналистские штампы. Все идёт волнами, как график с инсультом: то лучше, то хуже. Смотря какой год, какой урожай».

В Екатеринбурге 2026 год объявлен годом уральского рока. У Свердловского рок-клуба, который все это породил, путь был тернистым. Но, очевидно, уральский рок жив, просто он переродился. Например, прямо за стеной музея Андеграунда сын Сергея Бобунца Никита (к слову, тоже музыкант) открыл свой бар «Вечно молодой». Прекрасное наследие.

Никита Бобунец и Александр Воробьев, группа «ШАРТАШ»